

РОМАН НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

МЕЖДУ МАТЕРЯМИ

история о том,
как трудно стать матерью,
когда тебя всё ещё
считают дочерью

АЛИСА КИНГСТОУН

Алиса Кингстоун
Между матерями

«Автор»

2026

Кингстоун А.

Между матерями / А. Кингстоун — «Автор», 2026

Эмили двадцать три года. Она замужем за мужчиной, которого любит, воспитывает долгожданного сына и живёт той жизнью, о которой когда-то мечтала. Но первый год материнства оказывается совсем не похож на счастливую картинку из книг и социальных сетей. Пока Эмилия пытается научиться быть матерью, её собственная семья всё чаще вмешивается в воспитание ребёнка. Советы превращаются в контроль, забота — в давление, а любовь постепенно начинает напоминать борьбу за право решать, кому на самом деле принадлежит маленький мальчик. Между бессонными ночами, детским плачем, старыми обидами и семейными конфликтами Эмили предстоит понять, где заканчивается долг перед родителями и начинается ответственность перед её семьёй. Ведь иногда стать матерью оказывается гораздо труднее, чем родить ребёнка. «Между матерями» — пронзительный психологический роман, основанный на реальных событиях, о границах, взрослении, семейных травмах и праве женщины самостоятельно выбирать, какой матерью быть своему ребёнку.

© Кингстоун А., 2026

© Автор, 2026

Алиса Кингстоун

Между матерями

ПРОЛОГ

Дождь шёл уже несколько часов. Его монотонный шум был слышен даже сквозь закрытые окна ванной комнаты, и мне казалось, что весь город за пределами нашей квартиры растворился в серой пелене воды. Горячие струи стекали по плечам и спине, а я стояла под душем дольше обычного, не обращая внимания на время. В последние месяцы это стало моей привычкой. Только здесь, за закрытой дверью, я могла позволить себе остаться наедине с собственными мыслями и хотя бы ненадолго перестать быть чьей-то дочерью, женой или матерью.

В квартире было тихо. Лиам сидел на кухне со своей неизменной кружкой кофе, хотя часы давно перевалили за полночь. Он всегда говорил, что кофе помогает ему думать, а я была уверена, что за последние три года он выпил столько кофеина, что давно должен был превратиться в одного из тех людей, которые никогда не спят. Оливер уже несколько часов видел свои детские сны, раскинувшись поперёк кровати так, словно она принадлежала только ему одному. Морти наверняка устроился на подоконнике в гостиной и наблюдал за дождём, а Октавиан растянулся возле батареи, занимая половину прохода. В последнее время он сильно вырос и совершенно не понимал, что его размеры давно перестали быть щенячьими.

Это была моя семья.

Иногда мне казалось странным, что я произношу эти слова мысленно именно так. Не «мой муж и сын», не «домашние», не «близкие». Семья. Простое слово, которое раньше означало для меня совсем другое.

Я закрыла глаза и прислонилась лбом к прохладной кафельной стене. Всего несколько часов назад телефон разрывался от звонков и сообщений. Сначала звонила мать. Потом отец. Затем бабушка. После снова мать. Несколько лет назад я бы ответила каждому из них, даже если бы не хотела разговаривать. Несколько месяцев назад я бы обязательно начала оправдываться, объяснять свою точку зрения и пытаться доказать, что не желаю никому зла. Но сегодня вечером я просто выключила звук и положила телефон экраном вниз на стиральную машину.

Я знала, что там продолжают появляться новые сообщения.

Знала, что мать наверняка обижена.

Знала, что отец злится.

Знала, что бабушка считает меня неблагодарной.

И всё равно не взяла телефон в руки.

Наверное, впервые в жизни.

Я никогда не любила ссоры. В детстве мне казалось, что если подобрать правильные слова, то любой конфликт можно решить. Если объяснить достаточно подробно, если быть достаточно терпеливой, если уступить в нужный момент, то люди обязательно поймут друг друга. С возрастом оказалось, что это работает далеко не всегда. Иногда люди слышат только то, что хотят услышать. Иногда они задают вопрос не для того, чтобы понять ответ, а для того, чтобы убедиться в собственной правоте.

Несколько часов назад моя мать сказала фразу, которая никак не выходила у меня из головы.

Она произнесла её совершенно спокойно, будто речь шла о чём-то само собой разумеющемся.

— Мы его у вас заберём, а вы рожайте себе дочь.

Я помнила каждое слово.

Помнила тон её голоса.

Помнила собственное молчание после этой фразы.

Возможно, именно тогда я окончательно поняла, что речь давно идёт не о помощи, не о заботе и даже не о любви. Всё стало намного сложнее. Или, наоборот, намного проще, чем мне хотелось верить.

Я выключила воду и несколько секунд просто стояла неподвижно, слушая, как дождь барабанит по подоконнику. В зеркале отражалась молодая женщина с мокрыми тёмными волосами и усталыми карими глазами. Ей было всего двадцать три года, но иногда она чувствовала себя гораздо старше. За последние несколько лет в её жизни произошло слишком много событий для человека, который ещё недавно считал себя ребёнком.

Три беременности.

Две потери.

Операция.

Бессонные ночи.

Первый год материнства.

Сотни страхов.

Сотни ошибок.

И бесконечные попытки понять, почему всё оказалось совсем не таким, как она представляла раньше.

Я долго смотрела на своё отражение и вдруг поймала себя на мысли, что совершенно не помню, когда в последний раз чувствовала себя по-настоящему спокойной. Наверное, очень давно. Ещё до того, ка

к в моей жизни появился Лиам. До того, как я впервые увидела две полоски на тесте. До того, как начала мечтать о собственной семье.

Впрочем, если быть честной с собой до конца, всё началось намного раньше.

Задолго до моей свадьбы.

Задолго до рождения Оливера.

Задолго до знакомства с человеком, который однажды станет моим мужем.

Всё началось в тот момент, когда я ещё была ребёнком и не понимала, что некоторые семейные истории длятся гораздо дольше, чем кажется.

Меня зовут Эмилия Картер. Мне двадцать три года, и это история о том, как я пыталась стать матерью собственного сына, пока окружающие пытались решить за меня, какой матерью я должна быть.

ГЛАВА 1

МАЙ

Когда меня положили в больницу за пять дней до предполагаемой даты родов, я была уверена, что ничего особенного не произойдёт. Врачи говорили, что всё идёт хорошо, анализы были в порядке, а причиной госпитализации стала скорее осторожность, чем реальная необходимость. После двух потерянных беременностей я сама относилась к любой тревоге слишком серьёзно и предпочитала лишний раз перестраховаться.

Палата находилась на третьем этаже старого родильного отделения. Из окна открывался вид на парковку, аптеку через дорогу и несколько высоких тополей, которые постоянно качались от ветра. Май в тот год выдался странным. Днём солнце прогревало асфальт почти полетнему, а вечерами город накрывал холодный дождь. Я часто стояла у окна и наблюдала за людьми, спешащими домой под зонтами. Мне казалось, что время остановилось и весь мир продолжает жить своей жизнью, пока я сижу в больничной палате и жду человека, которого ещё ни разу не видела.

В тот момент мне было двадцать два года. Я была замужем чуть больше года и находилась на тридцать девятой неделе беременности. Мой живот уже казался огромным, а найти удобное положение для сна становилось настоящим испытанием. Ночами я ворочалась с одного бока на другой, проклиная неудобную больничную кровать, и пыталась представить, каким окажется мой сын.

Я знала только одно — его будут звать Оливер.

С именем мы определились ещё задолго до рождения. Как ни странно, это был один из немногих вопросов, в котором мы с Лиамом пришли к согласию почти сразу. Обычно любое решение сопровождалось долгими обсуждениями и спорами. Особенно если речь шла о серьёзных вещах. Но имя для ребёнка почему-то появилось само собой.

В тот вечер мы снова поссорились.

Сейчас я уже не могу вспомнить причину. Наверное, потому что она была совершенно незначительной. Большинство семейных ссор именно такие. Пока они происходят, кажется, что речь идёт о чём-то невероятно важном, но проходит несколько месяцев, и человек уже не способен вспомнить, с чего всё началось.

Я лежала на кровати с телефоном в руках и перечитывала сообщения мужа.

Лиам работал электриком и в тот день задержался на объекте до позднего вечера. Мы переписывались почти весь день, и в какой-то момент обычный разговор превратился в спор. Потом в обиду. Потом в молчание.

Я демонстративно убрала телефон на тумбочку и повернулась к стене.

Через несколько секунд экран снова загорелся.

Новое сообщение.

Я не открыла его.

Потом ещё одно.

И ещё.

В конце концов любопытство победило.

«Хватит злиться.»

Я невольно улыбнулась.

Это была типичная манера Лиамы заканчивать конфликт. Он никогда не любил долгие выяснения отношений и всегда первым делал шаг навстречу, даже если был уверен в своей правоте.

Я ответила не сразу.

Пусть немного понервничает.

Хотя бы для приличия.

Пока я придумывала достойный ответ, ребёнок внутри неожиданно толкнулся так сильно, что я вздрогнула.

За последние месяцы я привыкла к его движениям, но иногда он всё равно умудрялся застать меня врасплох.

Я положила ладонь на живот и замерла.

Через несколько секунд последовал ещё один толчок.

Потом ещё один.

— Спокойно, малыш, — тихо сказала я.

Соседка по палате улыбнулась поверх книги.

— Опять танцует?

— Кажется, решил проверить на прочность мои рёбра.

— Это хороший знак.

Я кивнула.

За всю беременность я успела возненавидеть фразу «это хороший знак». Хорошими знаками называли всё подряд. Токсикоз был хорошим знаком. Толчки были хорошим знаком.

Отсутствие толчков тоже иногда называли хорошим знаком. После двух потерянных беременностей я перестала доверять хорошим знакам и начала доверять только результатам обследований.

Первая беременность закончилась слишком быстро.

Вторая — ещё быстрее.

Иногда мне казалось, что именно поэтому я так и не смогла до конца расслабиться во время третьей. Даже когда врачи говорили, что всё хорошо. Даже когда проходила очередная неделя. Даже когда живот становился всё больше.

Страх никуда не исчезал.

Он просто менял форму.

На седьмой

неделе беременности мы ужинали у моих родителей.

Тогда ещё всё было иначе.

Тогда мне казалось, что впереди нас ждёт обычная семейная жизнь, в которой бабушка и бабушка будут баловать внука по выходным, а я буду жаловаться матери на бессонные ночи и спрашивать советы по прикорму.

Если бы кто-нибудь в тот вечер сказал мне, чем всё закончится через год, я бы рассмеялась ему в лицо.

Потому что тогда я ещё не знала, насколько сильно один ребёнок способен изменить целую семью.

В тот вечер у родителей было непривычно тихо. Отец сидел за столом с кружкой чая, мать нарезала овощи для салата, а немецкая овчарка Белла лениво наблюдала за происходящим из своего угла кухни. Я уже плохо помню, о чём именно мы разговаривали. Скорее всего, о работе Лиамы, о погоде или о том, что ребёнок скоро родится. В те месяцы почти любой разговор рано или поздно сводился к беременности.

Несмотря на две предыдущие потери, я начинала понемногу успокаиваться. Семь недель были совсем небольшим сроком, но я уже позволяла себе осторожно думать о будущем. Иногда я представляла детскую кроватку возле нашей кровати. Иногда ловила себя на том, что рассматриваю в интернете детскую одежду. Иногда просто клала ладонь на живот и думала о том, что, возможно, на этот раз всё действительно получится.

Когда я поднялась из-за стола и пошла в ванную комнату, у меня не было ни малейшего повода для тревоги.

До того момента.

Я закрыла дверь, посмотрела вниз и почувствовала, как внутри всё мгновенно похолодело.

Кровь.

Совсем немного.

Но после двух неудачных беременностей даже одной капли было достаточно, чтобы внутри поднялась паника.

Несколько секунд я просто смотрела на неё, не двигаясь. Мне казалось, что я снова проваливаюсь в тот кошмар, который уже переживала дважды. Сердце колотилось так сильно, что я слышала собственный пульс в ушах.

Когда я вернулась на кухню, Лиам сразу понял, что что-то случилось.

— Что произошло?

Я подошла ближе и почти шёпотом сказала:

— Мне кажется, началось.

Наверное, со стороны это выглядело странно. Мы не объяснили ничего ни матери, ни отцу. Просто быстро собрались и вышли из дома. Уже на улице я увидела, как отец появился на крыльце и растерянно посмотрел нам вслед.

До больницы мы ехали почти молча.

Я смотрела в окно на вечерний город и думала только об одном: лишь бы снова не потерять этого ребёнка.

Все предыдущие потери научили меня очень неприятной вещи. Ты перестаёшь верить хорошим новостям. Перестаёшь радоваться раньше времени. Перестаёшь строить планы. Потому что однажды уже делал это и потом слишком больно собирал себя по кускам.

В приёмном отделении меня осмотрели почти сразу.

Потом было ожидание.

Потом ещё один осмотр.

Потом УЗИ.

Каждая минута растягивалась бесконечно.

Я лежала на кушетке и смотрела в потолок, пока врач водил датчиком по животу. Мне казалось, что от следующих нескольких секунд зависит вся моя жизнь.

Наконец врач улыбнулся.

— Сердцебиение хорошее.

Наверное, никогда прежде я не испытывала такого облегчения.

Я заплакала прямо там.

Не потому, что была слабой.

Не потому что хотела кого-то разжалобить.

Просто напряжение последних часов оказалось слишком сильным.

Беременность сохранили. Меня оставили в больнице почти на неделю. Шесть дней я провела в палате, прислушиваясь к каждому ощущению собственного тела и боясь лишней раз пошевелиться. Лиам приезжал каждый день. Иногда привозил фрукты. Иногда шоколад. Иногда просто сидел рядом и рассказывал о работе.

Тогда мне казалось, что самое страшное уже позади.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, насколько наивной была эта мысль.

На самом деле всё только начиналось.

Через несколько месяцев мы снова сидели в кабинете УЗИ. На экране уже можно было различить маленького человека, который активно двигался и совершенно не собирался облегчать работу врачу. Женщина за аппаратом несколько раз просила его повернуться нужным образом, словно ребёнок был способен понять её слова.

Лиам стоял рядом и внимательно смотрел на монитор.

— Поздравляю, — наконец сказала врач. — У вас будет мальчик.

Я повернула голову к мужу.

На его лице появилась улыбка, которую я до сих пор помню в мельчайших деталях.

Наверное, именно в тот момент Оливер впервые стал для нас настоящим.

Не ребёнком.

Не плодом.

Не сроком беременности.

А нашим сыном.

По дороге домой мы почти без остановки обсуждали имена. Вернее, обсуждала в основном я. Лиам слушал и время от времени соглашался или качал головой.

Имя Оливер появилось неожиданно.

Просто возникло между нами и сразу показалось правильным.

Настолько правильным, что больше мы уже ничего не искали.

К тому времени мы были вместе чуть больше двух лет.

Если бы кто-нибудь спросил меня, как началась наша история, я бы не смогла ответить коротко.

Потому что в ней не было красивого знакомства.

Не было букетов.

Не было долгих ухаживаний.

Не было романтических прогулок под дождём.

Лиам приехал в заброшенную квартиру моей бабушки чинить проводку.

А потом почему-то остался в моей жизни.

Именно тогда я ещё не знала, что однажды этот человек будет стоять рядом со мной в операционной, держать меня за руку во время рождения нашего сына и станет единственным человеком, который будет оставаться на моей стороне, когда всё вокруг начнёт рушиться.

Если честно, в тот день я вообще не должна была находиться в квартире бабушки.

Сейчас уже трудно вспомнить, зачем именно я туда приехала. Кажется, нужно было проверить какие-то вещи или помочь с очередной мелочью, которую постоянно откладывали на потом. Квартира пустовала уже довольно давно. Бабушка жила в другом месте, а здесь время словно остановилось несколько лет назад.

В комнатах стоял запах старой мебели и пыли. На подоконниках лежали пожелтевшие от солнца газеты, а часть проводки давно требовала замены. Именно поэтому туда и приехал электрик.

Лиам.

Тогда он был просто незнакомым мужчиной с ящиком инструментов.

Никакой романтики.

Никакой любви с первого взгляда.

Если бы кто-то сказал мне в тот день, что через несколько лет я буду рожать от него ребёнка и спорить с ним о выборе подгузников в супермаркете, я бы решила, что человек сошёл с ума.

Помню только, что он оказался совсем не таким, каким я представляла электриков.

Почему-то мне казалось, что должен приехать мужчина лет сорока пяти с усталым лицом и запахом сигарет. Вместо этого в квартиру вошёл высокий молодой парень с аккуратной бородой и очень серьёзным выражением лица.

Первое время мы почти не разговаривали.

Он работал.

Я занималась своими делами.

Потом начали перекидываться короткими фразами.

Потом разговорились.

А потом каким-то совершенно непонятным образом оказалось, что мы продолжаем общаться даже после того, как проводка была закончена.

Лиам на тот момент состоял в отношениях.

Правда, продлились они недолго.

Я никогда не считала себя причиной их расставания и до сих пор не считаю. Всё закончилось ещё до того, как между нами появилось что-то серьёзное.

Но факт оставался фактом.

Через несколько месяцев мы уже жили вместе.

Иногда люди спрашивают, как понять, что рядом находится именно твой человек.

У меня никогда не было ответа на этот вопрос.

В нашей истории не было какого-то одного судьбоносного момента.

Мы просто однажды начали жить вместе и почему-то больше не захотели расставаться.

Всё произошло настолько быстро, что я даже не успела испугаться.

Наверное, это и было самым странным.

Я никогда не мечтала о раннем браке. Никогда не представляла себе свадебное платье или идеального мужа. Большинство моих подруг ещё искали себя, меняли работу, заводили новые отношения и строили планы на будущее.

А я внезапно обнаружила, что по вечерам обсуждаю стоимость коммунальных услуг и выбираю сковородки вместе с мужчиной, которого знаю меньше года.

Это должно было пугать.

Но не пугало.

В нашей жизни вообще многое происходило раньше, чем планировалось.

Первая беременность наступила примерно через полгода после того, как мы начали жить вместе.

До сих пор не знаю, почему тем утром подошла к мусорному пакету. Вечером тест показал одну полоску, и я выбросила его почти с раздражением, будто он был виноват в том, что снова не дал мне ответа, которого я ждала. Пакет стоял на кухне, сверху лежали какие-то бумаги, чеки и смятые упаковки, а сам тест оказался почти на поверхности, словно нарочно не хотел исчезать из моей жизни окончательно. Лиам уже уехал на работу, за окном шёл сильный дождь, и квартира казалась слишком тихой для такого утра. Я сварила себе чай, постояла у окна, посмотрела на мокрый двор и вдруг почувствовала странное, почти навязчивое желание ещё раз взглянуть на этот тест. Сейчас я понимаю, как глупо это могло выглядеть, но тогда внутри будто что-то подтолкнуло меня. Я подошла к пакету, осторожно раздвинула бумаги и достала его.

Сначала мне показалось, что я придумала эту полоску сама. Она была такой бледной, что её можно было принять за тень, за след от пластика, за ошибку зрения, за что угодно, только не за то, во что мне отчаянно хотелось поверить. Я поднесла тест ближе к окну, потом отвернулась от света, потом снова посмотрела на него, и с каждым новым взглядом вторая полоска становилась не ярче, но реальнее. Через несколько секунд я уже сидела на кухонном стуле, прижимая тест к ладони, и плакала так сильно, что не могла нормально вдохнуть. В тот момент во мне не было ни страха, ни сомнений, ни осторожности. Было только одно ослепительное чувство: у нас получилось.

До вечера я не выдержала. Я много раз представляла, как красиво сообщу Лиаму о беременности, как приготовлю ужин, положу тест в коробочку или скажу какую-нибудь трогательную фразу, но реальность оказалась куда проще и честнее. Я взяла телефон дрожащими руками и позвонила ему прямо на работу. Он ответил почти сразу, на фоне были слышны чужие голоса и какой-то металлический звук, будто рядом двигали инструменты. Услышав мои слёзы, он мгновенно изменился в голосе и спросил, что случилось. Я пыталась говорить спокойно, но слова всё равно сорвались неразборчиво, и мне пришлось повторить несколько раз, прежде чем он понял. Когда я наконец произнесла, что беременна, в трубке наступила короткая тишина, а потом он выдохнул так, будто всё это время тоже держал внутри воздух.

Мы договорились встретиться возле рынка после его работы. Это был обычный городской рынок, где продавалось всё сразу: овощи, одежда, посуда, игрушки, цветы, дешёвые куртки, детские вещи и тысячи мелочей, без которых люди почему-то не могут жить. Я стояла у входа и мёрзла под дождём, то и дело поглядывая на дорогу. Когда машина Лиамы остановилась у тротуара, я сразу увидела розы. Он вышел с огромным букетом, мокрым от дождя, немного смущённый и очень счастливый. В тот момент я впервые увидела у него на глазах слёзы. Лиам не был человеком, который легко показывал эмоции, поэтому эти слёзы значили для меня больше любых слов. Он обнял меня прямо у входа в рынок, и несколько секунд мы просто стояли под дождём, не обращая внимания на прохожих.

Потом мы пошли в детский магазин. Это было слишком рано, слишком смело и, наверное, слишком наивно, но тогда нам казалось, что покупка маленьких пинеток способна сделать всё происходящее настоящим. Мы долго выбирали между несколькими парами, хотя все они были почти одинаковыми. В итоге купили крошечные вязаные пинетки, такие маленькие, что они помещались у меня на ладони. Я смотрела на них и не могла поверить, что однажды в них будут ножки нашего ребёнка. Вечером мы поехали к моим родителям и подарили им эти

пинетки как новость. Мать заплакала почти сразу, отец долго держал их в руках и смотрел так, будто боялся сломать. В тот вечер мне казалось, что наша семья стала ближе, чем когда-либо.

Потом всё закончилось.

Я не люблю вспоминать те дни подробно. Не потому, что память стёрла события, а потому, что она, наоборот, сохранила слишком многое. Больничный коридор, запах лекарств, белые стены, чужие голоса, три дня в палате и ощущение, что внутри меня появилась пустота, которая ещё вчера была надеждой. Врачи говорили осторожно и спокойно, как говорят люди, давно привыкшие к чужим потерям. Они объясняли, что такое случается, что срок был маленький, что это не значит, будто в будущем всё повторится. Я кивала, слушала, пыталась выглядеть взрослой и разумной, но внутри всё равно чувствовала себя виноватой.

После выписки мы с Лиамом поехали забрать документы из больницы. Я помню этот день смутно, отдельными кадрами. Бумаги в руках, серое небо, усталость, от которой хотелось лечь прямо на заднее сиденье машины и закрыть глаза. Лиам, наверное, видел, что я едва держусь, поэтому после больницы не повёз меня сразу домой. Он сказал, что хочет немного меня развеять, и мы поехали за город, к заброшенному ресторану на берегу водоёма. Когда-то это место, наверное, было красивым и шумным, но теперь здание стояло пустое, окна казались тёмными, а вокруг росла высокая трава. Вода была спокойной, тяжёлой, почти неподвижной, и я долго смотрела на неё, не зная, о чём думать.

Я стояла спиной к Лиаму, когда он сказал фразу, от которой мир внутри меня рухнул быстрее, чем я успела повернуться. Он произнёс: «Я не хочу, чтобы ты была моей девушкой». В ту секунду я решила, что он уходит. Решила мгновенно, без всяких сомнений, будто мой мозг только этого и ждал. Мне показалось, что потеря ребёнка изменила не только меня, но и нас, что он больше не хочет быть рядом с женщиной, которая не смогла сохранить беременность, хотя, конечно, сейчас я понимаю, насколько жестокой была эта мысль по отношению ко мне самой. Но тогда я не успела подумать разумно. Я просто почувствовала, как внутри снова становится пусто.

Когда я повернулась, Лиам стоял передо мной с красной коробочкой в руках. Он не опустился на колени, не говорил длинной красивой речи и не выглядел как герой романтического фильма. Он просто стоял на берегу водоёма, немного напряжённый, очень серьёзный, с кольцом в открытой коробочке, и сказал, что хочет, чтобы я была его женой. Я смотрела на него и не могла сразу ответить, потому что несколько секунд назад уже успела пережить его уход. Во мне одновременно жили ужас от первой фразы, боль от потери ребёнка и тихое, почти осторожное счастье от того, что он не уходил, а, наоборот, оставался.

Я не закричала от радости и не бросилась ему на шею так, как, наверное, должна была бы сделать девушка в такой момент. Я просто стояла перед ним, смотрела на кольцо и пыталась собрать себя обратно. Потом сказала «да». Спокойно. Почти тихо. Возможно, Лиам ожидал другой реакции, но он ничего не сказал. Он знал, через что мы только что прошли. Он знал, что моя радость в тот день не могла быть лёгкой. После этого он обнял меня, и я впервые за долгое время позволила себе просто стоять рядом с ним и не притворяться, что всё в порядке.

Весной мы расписались. Свадьбы в обычном смысле этого слова у нас не было. Я не стояла перед зеркалом в пышном платье, вокруг не бегали подружки невесты, никто не украшал зал шарами и цветами. Всё было тихо, почти буднично, но именно это почему-то казалось правильным. Мы пришли в небольшую комнату, где регистрировали браки, расписались, приняли поздравления от моей семьи и друзей родителей, а потом вышли на улицу уже мужем и женой. Отец вместе с двумя своими друзьями подарил нам машину. Тогда этот подарок казался огромным и очень важным, частью того нового взрослого мира, в который мы с Лиамом вошли слишком быстро, но уже без возможности повернуть назад.

Мы жили в квартире, доставшейся моей семье по линии прабабушки. Это была не идеальная квартира, не красивая картинка из журнала и не место, где всё сразу стояло на своих

местах. В ней было много прошлого, старых вещей, следов чужой жизни и углов, которые требовали ремонта. Но для меня она всё равно была домом. Нашим первым настоящим домом. Там пахло кофе Лиамы, моими сигаретами на балконе, чистым бельём, иногда пылью после очередной попытки разобрать старые шкафы. Там по вечерам становилось тихо, и в этой тишине я впервые чувствовала, что могу построить что-то своё, отдельное от дома родителей, от их привычек, ссор и постоянного ощущения, что в любой момент настроение взрослых может измениться.

Вторая беременность пришла уже после свадьбы. Я узнала о ней не так ярко, как о первой. Радость была осторожной, приглушённой, словно я боялась спугнуть её слишком громким вдохом. После выкидыша человек уже не умеет радоваться без оглядки. Ты смотришь на тест, видишь две полоски и одновременно представляешь не детскую кроватку, а больничную палату. Считаешь недели, прислушиваешься к телу, боишься каждого странного ощущения и учишься не говорить о будущем слишком уверенно. Мы с Лиамом старались не торопить события, но надежда всё равно росла. Она всегда растёт, даже когда ты запрещаешь ей.

Потом оказалось, что беременность не развивается. Я помню кабинет врача, экран УЗИ и тишину, которая длилась чуть дольше, чем должна была. В такие моменты человек понимает всё раньше, чем ему говорят словами. Я смотрела на лицо врача и уже знала, что сейчас услышу. После этого было решение, к которому невозможно быть готовой, и процедура, которую я долго не могла называть прямо. Мне пришлось сделать аборт, потому что другого выхода не было. Формально всё объяснялось медицинскими словами, но внутри это всё равно ощущалось как ещё одна потеря.

После второй неудачи мы перестали говорить о детях. Не резко, не демонстративно, без громких обещаний никогда больше не пытаться. Просто тема исчезла из наших разговоров. Мы жили, работали, занимались бытовыми делами, иногда смеялись, иногда ссорились, иногда делали вид, что ничего страшного не произошло. Наверное, именно тогда я впервые научилась жить так, будто во мне нет постоянного страха. Не потому, что он исчез, а потому, что с ним невозможно было каждое утро вставать с кровати.

А потом, когда мы действительно отпустили ситуацию, я снова забеременела.

Третья беременность началась настолько неожиданно, что первое время я даже боялась радоваться. После двух потерь казалось, что внутри меня появился какой-то механизм самозащиты. Он не позволял строить планы слишком далеко вперёд, не позволял выбирать детские вещи раньше времени и каждый раз напоминал, что счастье может закончиться быстрее, чем человек успеет к нему привыкнуть. Наверное, именно поэтому новость о новой беременности мы с Лиамом встретили намного спокойнее, чем первую. Мы не покупали пинетки. Не придумывали имена. Не обсуждали, на кого будет похож ребёнок. Мы просто жили от недели к неделе и надеялись, что на этот раз судьба позволит нам дойти до конца.

Первые месяцы проходили тревожно. Я прислушивалась к каждому ощущению в теле и постоянно искала признаки того, что что-то идёт не так. Иногда мне казалось, что страх стал моей второй тенью. Он сопровождал меня дома, в магазине и даже во сне. Стоило появиться малейшему дискомфорту, как в голове начинали возникать самые страшные сценарии. Лиам старался успокаивать меня, но я видела, что он и сам переживает не меньше. Просто делал это молча.

Когда наступила седьмая неделя беременности и произошло кровотечение у моих родителей дома, мне показалось, что история повторяется в третий раз. Даже после того, как врачи подтвердили, что ребёнок жив и развивается нормально, страх ещё долго не отпускал меня. Он поселился где-то глубоко внутри и оставался там всю беременность.

Постепенно недели складывались в месяцы. Живот становился больше. Появились первые шевеления. Потом первые толчки. Потом те моменты, когда Оливер устраивал внутри настоящий марафон и не давал мне уснуть половину ночи. Чем ближе становились роды, тем

сильнее менялось моё отношение к происходящему. Если раньше я просто боялась потерять беременность, то теперь начала задумываться о том, какой матерью стану.

Наверное, каждая женщина представляет себе материнство по-своему. Я тоже представляла. Мне казалось, что с рождением ребёнка внутри автоматически включается какое-то новое чувство. Будто существует особый момент, после которого женщина просыпается уже совсем другим человеком. Более взрослым. Более мудрым. Более уверенным. Я искренне верила, что однажды утром открою глаза и вдруг пойму всё, что нужно понимать о детях.

Сейчас эта мысль кажется мне смешной.

За несколько недель до родов я начала собирать сумку в роддом. На кухонном столе лежали списки вещей, распечатанные из интернета. Я несколько раз всё перепроверяла, постоянно находя новые причины для волнения. То мне казалось, что я взяла слишком мало детских вещей. То, наоборот, что слишком много. Лиам наблюдал за этим с выражением человека, который понимает бессмысленность любых попыток вмешаться.

В один из вечеров он застал меня за тем, что я в третий раз перекладывала детские носки из одного пакета в другой.

— Они же одинаковые, — осторожно заметил он.

— Нет.

— По-моему, одинаковые.

— Нет.

— Хорошо.

На этом разговор закончился.

Тогда я ещё не понимала, что носки совершенно ни при чём. Мне просто хотелось контролировать хоть что-то. Когда столько месяцев живёшь в ожидании плохих новостей, начинаешь искать контроль даже там, где его нет.

Последний месяц беременности тянулся бесконечно долго. Я устала спать только на боку. Устала от постоянной тяжести в пояснице. Устала вставать ночью по несколько раз. Устала от вопросов знакомых, которые при каждой встрече спрашивали одно и то же: «Ну что, ещё не родила?» Иногда мне хотелось отвечать, что если бы родила, то об этом узнал бы весь город.

К маю я уже мечтала только об одном — чтобы всё наконец произошло.

Поэтому, когда врачи решили оставить меня в больнице за несколько дней до предполагаемой даты родов, я не спорила. Внутри уже не осталось сил ни для тревоги, ни для сопротивления. Хотелось просто дождаться встречи с человеком, которого я носила под сердцем девять месяцев.

Пятый день в палате начинался как любой другой. Я проснулась рано, позавтракала больничной кашей, которую ненавидела всей душой, немного почитала книгу и написала Лиаму сообщение с традиционной жалобой на местную еду. Он ответил фотографией огромной кружки кофе и подписью, что готов поменяться со мной местами хотя бы на один день. Я написала, что с радостью отдала бы ему возможность рожать вместо меня, и на этом наш разговор постепенно перешёл в привычное подшучивание друг над другом.

К вечеру настроение испортилось. Мы снова зацепились за какую-то мелочь в переписке. Сейчас я даже не смогла бы вспомнить тему спора. Возможно, речь шла о ремонте. Возможно, о покупках. Возможно, вообще о чём-то незначительном. За три года совместной жизни мы успели убедиться, что самые бессмысленные конфликты всегда начинаются именно с таких мелочей.

Когда начались первые схватки, я сначала решила, что это обычные тренировочные боли. Несколько часов я не придавала им особого значения, пока интервалы не начали сокращаться. В какой-то момент стало очевидно, что это уже не тренировка.

Я позвонила Лиаму.

Он приехал почти сразу.

Потом всё происходило очень быстро. Осмотры врачей. Измерение давления. Бумаги. Коридоры. Люди в медицинской форме. Чужие голоса. Запах антисептика. Я помню отдельные фрагменты того дня, словно кто-то разрезал память на десятки маленьких кусочков.

Помню, как написала сообщение отцу.

Всего несколько слов.

«Я рожая.»

Потом телефон начал вибрировать от входящих сообщений, но читать их уже было некогда.

Помню, как Лиам появился возле меня в родильном отделении.

Помню, как он взял меня за руку.

Помню, что в какой-то момент мне стало легче просто потому, что он был рядом. Схватки продолжались двенадцать часов.

Двенадцать часов, которые показались мне одновременно несколькими днями и несколькими минутами.

Тогда я ещё была уверена, что всё идёт по плану.

Не знала только одного.

У моего сына были совершенно другие планы на своё появление на свет.

Первые несколько часов я держалась удивительно хорошо. По крайней мере, именно так мне казалось тогда. Я ходила по палате, старалась правильно дышать, вспоминала советы врачей и статьи, которые читала во время беременности. В какой-то момент мне даже показалось, что все рассказы о родах сильно преувеличены и женщины просто любят пугать друг друга. Сейчас я вспоминаю эту мысль с улыбкой. Видимо, природа специально позволяет человеку немного обманывать себя в начале пути.

Лиам всё время находился рядом. Иногда он держал меня за руку, иногда приносил воду, иногда просто молчал. За время наших отношений я успела заметить одну особенность его характера. Когда происходило что-то действительно серьёзное, он становился ещё тише обычного. Не потому, что не знал, что сказать. Просто считал, что в такие моменты присутствие важнее слов. Именно поэтому рядом с ним мне всегда было спокойно, даже когда самой ситуации спокойной назвать было нельзя.

Часы шли медленно. Схватки становились сильнее. Время от времени заходили врачи и акушерки, проверяли показатели, задавали вопросы и снова исчезали за дверью. Майский дождь, начавшийся ещё днём, так и не закончился. Иногда я слышала, как ветер бросает капли в окно, и почему-то это помогало отвлечься хотя бы на несколько секунд.

Чем дольше продолжались роды, тем меньше я замечала происходящее вокруг. Мир постепенно сузился до нескольких вещей: боли, дыхания, голоса врачей и руки Лиамы в моей ладони. Всё остальное перестало существовать. В такие моменты человек не думает о будущем. Не думает о прошлом. Не думает о бытовых проблемах, деньгах, ремонте или семейных конфликтах. Остаётся только желание пережить ещё одну схватку, потом ещё одну и ещё одну.

Ближе к концу что-то начало идти не так.

Сначала я не поняла этого сама. Просто заметила, что лица врачей стали серьёзнее. Они начали чаще переглядываться между собой, проверять показатели и разговаривать тише. Потом в палате появились новые люди. Потом кто-то сказал, что нужно подготовить операционную.

До этого момента я искренне верила, что рожу самостоятельно.

Я готовилась именно к этому.

Представляла именно это.

Но иногда ребёнок принимает решение за всех остальных.

Мне объяснили ситуацию. Сейчас я уже не помню медицинских терминов и подробностей. Помню только ощущение внезапного страха, которое накрыло меня с головой. Всё про-

исходило слишком быстро. Ещё несколько минут назад я думала о том, сколько времени осталось до рождения сына, а теперь вокруг меня двигались люди, готовившиеся к операции.

Лиам побледнел сильнее, чем я сама.

Если бы кто-нибудь тогда спросил меня, кто из нас двоих выглядел испуганнее, я бы без колебаний указала на мужа.

Он пытался сохранять спокойствие, но я видела его глаза.

Видела, как он переживает.

Видела, как крепче сжимает мою руку.

Наверное, именно тогда я окончательно перестала бояться за себя и начала бояться за ребёнка.

В операционной было холодно и слишком светло. Огромные лампы над головой казались ослепительными. Вокруг двигались люди в масках, звучали команды, пищала аппаратура. Я лежала неподвижно и чувствовала себя одновременно участником событий и сторонним наблюдателем. Всё происходило со мной, но в то же время будто не со мной.

Потом началось ожидание.

Самое длинное ожидание в моей жизни.

Наверное, прошло всего несколько минут.

Но мне показалось, что прошла вечность.

А потом я услышала плач.

Первый крик своего сына.

Никогда раньше я не слышала ничего подобного.

Он был громким.

Резким.

Возмущённым.

Самым прекрасным звуком на свете.

Я заплакала раньше, чем успела это осознать.

Оливер появился на свет майским вечером под шум дождя за окнами роддома.

Наш сын. Настоящий. Живой. После всех страхов. После всех потерь. После всех бессонных ночей и тревожных ожиданий.

В тот момент мне казалось, что всё самое сложное осталось позади.

Наивность вообще часто сопровождает счастье.

Первые часы после операции помню плохо. Боль возвращалась волнами. Меня постоянно будили, проверяли давление, задавали вопросы и проводили какие-то процедуры. Время потеряло привычный смысл. День смешался с ночью. Сон смешался с бодрствованием.

Но среди всего этого была одна мысль, которая не покидала меня ни на минуту.

У меня есть сын.

Когда мне впервые принесли Оливера, я смотрела на него так долго, что медсестра даже улыбнулась. Он оказался совсем не таким, каким я представляла его во время беременности. У него были крошечные пальцы, смешной нос и удивительно серьёзное выражение лица для человека, прожившего на свете всего несколько часов.

Я осторожно коснулась его щеки.

Он нахмурился.

Потом снова успокоился.

Именно тогда я впервые по-настоящему поверила, что всё это происходит на самом деле.

Роддом оказался самым странным местом из всех, где мне доводилось находиться. С одной стороны, это были самые счастливые дни моей жизни. С другой — одни из самых тяжёлых физически. Живот болел так сильно, что иногда мне казалось невозможным подняться с кровати. Каждый шаг превращался в маленькое испытание. Каждое посещение процедурного

кабинета вызывало желание спрятаться под одеяло и не выходить оттуда до самой выписки. И всё же даже сквозь боль пробивалось счастье.

Лиам приезжал каждый день.

Иногда по нескольку раз.

Он привозил всё, что я просила.

Иногда даже то, о чём я не просила.

Моя мать передавала еду и несколько раз приходила сама. Тогда это казалось мне заботой, и я была искренне благодарна ей за помощь. Отец постоянно писал сообщения и спрашивал, как чувствует себя внук.

В те дни никто ещё не подозревал, насколько сильно изменятся наши отношения через год.

Тогда мы были просто семьёй, которая радовалась появлению нового человека.

А я мечтала только об одном.

Вернуться домой.

К своей кровати.

К своей кухне.

К привычной тишине.

И, конечно же, к Морти, который наверняка уже решил, что хозяева навсегда бросили его одного.

К концу недели мне казалось, что стены роддома начинают действовать на нервы сильнее, чем послеоперационная боль. Я скучала по дому так сильно, словно отсутствовала несколько месяцев, а не несколько дней. Скучала по собственной подушке, по привычному виду из окна, по запаху нашей квартиры и даже по мелочам, на которые раньше никогда не обращала внимания. Больше всего я скучала по Морти. Каждый раз, когда Лиам приезжал ко мне, я обязательно спрашивала, как ведёт себя кот. Он смеялся и отвечал, что Морти чувствует себя прекрасно, спит на нашей кровати и совершенно не переживает по поводу отсутствия хозяев. Но мне всё равно хотелось скорее вернуться домой.

День выписки оказался солнечным. После нескольких дождливых дней май наконец вспомнил, что почти закончилась весна. Медсестра помогла мне собрать документы, врачи в очередной раз объяснили рекомендации, а я слушала вполуха, потому что мысленно уже была на улице. Оливер мирно спал, не подозревая, что впереди его ждёт первая поездка домой.

Когда мы вышли из здания роддома, Лиам уже ждал нас возле машины. Я увидела его раньше, чем он заметил нас, и невольно улыбнулась. За эту неделю он выглядел более уставшим, чем обычно. Наверное, переживал не меньше моего. Под глазами появились лёгкие тени от недосыпа, а в руках он держал детское автокресло с таким серьёзным видом, словно нёс величайшую драгоценность на свете.

Рядом с ним стояли мои родители.

Мать первой подошла ко мне и осторожно обняла, стараясь не задеть живот. Отец выглядел непривычно взволнованным и несколько раз заглянул в свёрток, пытаясь рассмотреть внука. Тогда мне было приятно видеть их рядом. Приятно осознавать, что рождение Оливера стало важным событием не только для нас с Лиамом.

Дом встретил нас неожиданным беспорядком. В этом не было ничего удивительного. Пока я находилась в роддоме, Лиам практически всё свободное время проводил либо на работе, либо рядом со мной. У него просто не оставалось сил заниматься уборкой. На кухне скопилась посуда, в коридоре лежали какие-то инструменты, а на журнальном столике образовалась небольшая гора из чеков, документов и других вещей, которые обычно убирались сразу.

Родители пробыли у нас недолго. Они помогли занести вещи, несколько раз посмотрели на спящего Оливера и вскоре уехали домой. Когда за ними закрылась дверь, в квартире впервые стало тихо.

Мы с Лиамом переглянулись.

Потом одновременно посмотрели на беспорядок.

Потом снова друг на друга.

— Убирать будем? — спросил он.

— Будем.

Наверное, любой здравомыслящий человек после недели в роддоме отправился бы отдыхать. Но я никогда не умела спокойно лежать и смотреть, как кто-то делает работу за меня. Даже после операции мне было легче двигаться через боль, чем бездействовать.

Пока Оливер спал, мы начали приводить квартиру в порядок. Лиам мыл посуду, я разбирала вещи и раскладывала по местам детские принадлежности. Периодически мы останавливались возле кровати и проверяли, всё ли в порядке с ребёнком. Сейчас это кажется смешным, но тогда мне постоянно хотелось убедиться, что он действительно рядом.

К вечеру квартира стала похожа на дом. Мы поужинали, уложили сына спать и впервые за долгое время смогли спокойно выдохнуть. Ровно до наступления ночи. До рождения ребёнка я слышала множество историй о бессонных ночах. Молодые родители рассказывали о них с таким выражением лица, будто вспоминали тяжёлую военную кампанию. Мне казалось, что люди склонны преувеличивать. В конце концов, что может быть настолько сложного? Ответ я получила уже в первую ночь. Оливер просыпался снова и снова. Едва он успокаивался и засыпал, как через какое-то время всё повторялось. А я практически не могла вставать с кровати. Каждое движение отзывалось болью в области шва. Даже простая попытка сесть требовала усилий. Лиам взял на себя почти всё. Он вставал к ребёнку, менял подгузники, приносил его ко мне на кормление, потом снова укладывал спать. Иногда мне казалось, что за ночь он проходил по квартире больше километра. Я чувствовала благодарность и одновременно вину за то, что не могу делать всё сама. Так продолжалось почти месяц.

Постепенно мне становилось легче двигаться. Шов заживал. Организм восстанавливался. Но первые недели после кесарева оказались намного тяжелее, чем я ожидала. В это же время начала приходить моя мать. Сначала её помощь казалась спасением. Она приносила еду, помогала по дому, могла подержать ребёнка, пока я принимала душ или просто сидела несколько минут в тишине. Любая молодая мать знает, насколько ценными могут быть такие минуты. Но очень скоро я заметила странную вещь. Каждый раз, когда мать приходила к нам, я переставала чувствовать себя хозяйкой собственного дома. Она ничего плохого не делала. Не ругалась. Не спорила. Не критиковала меня открыто. Но почему-то её присутствие заставляло меня всё время находиться в напряжении. Вместо того чтобы отдыхать, я сидела с ней на кухне, разговаривала, пила чай и чувствовала себя обязанной развлекать гостя.

Даже тогда я ещё не понимала, насколько важным окажется это ощущение в будущем.

Однажды вечером, когда мать ушла домой, я рассказала об этом Лиаму.

Мы сидели на кухне. Оливер наконец уснул, а я в очередной раз пыталась съесть что-нибудь сладкое, убеждая себя, что организму нужны силы для восстановления.

— Мне неудобно, — призналась я. — Она приходит помогать, а я всё равно не могу нормально отдыхать.

Лиам некоторое время молчал.

— Ты говорила ей об этом?

— Нет.

— Почему?

Я пожала плечами.

Потому что не умела. Потому что не хотела обижать мать. Потому что с детства привыкла подстраиваться под чужие чувства раньше, чем под собственные. Но тогда я ещё не могла сформулировать всё это словами.

Через несколько дней Лиам поговорил с ней сам. Очень спокойно. Очень вежливо. Он объяснил, что мне нужно больше отдыхать и привыкать справляться самостоятельно. Мать выслушала его и больше не приходила каждый день. Тогда мне показалось, что вопрос решён.

Я не знала, что именно в тот момент появилась первая трещина в отношениях, которые вскоре начнут разрушаться у нас на глазах.

Впереди было лето.

Жаркое, длинное лето первого года жизни моего сына.

И именно тогда начнётся история, которая спустя год приведёт меня под горячие струи душа, к выключенному телефону и к решению, которое изменит всю мою жизнь.

ГЛАВА 2

ДОМ

Если бы кто-то спросил меня тогда, была ли я счастлива после рождения Оливера, я бы без раздумий ответила «да». И это была бы правда. Но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что счастье редко приходит в том виде, в каком мы его представляем. В моих фантазиях материнство выглядело иначе. Я представляла долгие прогулки с коляской, спокойные вечера дома, детский смех и ощущение правильности происходящего. На деле всё оказалось гораздо сложнее. Счастье смешалось с усталостью, тревогой, болью после операции и постоянным страхом сделать что-то не так.

Первый месяц жизни Оливера прошёл словно в тумане. Дни и ночи потеряли привычные границы. Иногда я просыпалась и не сразу могла понять, какое сегодня число и сколько времени прошло с момента последнего кормления. Мне казалось, что вся моя жизнь теперь измеряется не днями и неделями, а снами ребёнка, количеством подгузников и часами между кормлениями.

Лиам продолжал работать. Каждое утро он вставал раньше нас и собирался на работу, стараясь делать это максимально тихо. Иногда я просыпалась от звука кофемашины на кухне и несколько минут лежала в кровати, прислушиваясь к знакомым звукам. Шум воды. Скрип дверцы шкафа. Звон кружки. Эти мелочи почему-то успокаивали. Они напоминали, что рядом есть человек, на которого можно опереться.

Однажды утром я поймала себя на мысли, что почти не помню, какой была жизнь до рождения сына. Прошло всего несколько недель, но казалось, будто Оливер был с нами всегда. Даже Морти постепенно смирился с появлением нового жильца. Первое время кот демонстративно обходил детскую кроватку стороной и смотрел на нас с таким видом, будто мы совершили величайшую ошибку в своей жизни. Потом любопытство победило. Он начал осторожно подходить ближе, принюхиваться и наблюдать за ребёнком из безопасного расстояния. Вскоре Морти окончательно убедился, что младенец не представляет угрозы его положению в семье, и вернулся к своим привычным делам.

С каждым днём мне становилось легче двигаться. Боль после кесарева постепенно отступала, хотя некоторые движения всё ещё давались с трудом. Иногда я подходила к зеркалу и долго смотрела на своё отражение. Беременность изменила моё тело сильнее, чем я ожидала. Лишний вес не спешил уходить, живот всё ещё напоминал о недавней операции, а постоянная усталость отражалась на лице. Мне было всего двадцать два года, но временами я чувствовала себя гораздо старше.

Особенно тяжело давались дни, когда Лиам задерживался на работе. Тогда квартира становилась слишком тихой. Оливер спал, потом просыпался, потом снова засыпал, а я ходила из комнаты в комнату и не знала, чем занять собственные мысли. Со стороны это могло показаться странным. Многие женщины мечтают побыть дома, отдохнуть от работы и никуда не

спешить. Но я никогда не умела долго находиться в одиночестве. Мне постоянно нужно было что-то делать, куда-то идти, с кем-то разговаривать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.